

Литературные известия

№ 8 (230)

Август 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в номере:

Атланты современной литературы

*

Литературоведение

*

Рецензии

*

Литературная жизнь

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»**

**РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 21 ГОД**

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!**

www.west-consulting.com.ru

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

ОТКЛИК НА ГОТОВЯЩИЙСЯ К ПЕЧАТИ РОМАН АЛЕКСАНДРА ФАЙНА «ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ»

Пример маститого прозаика **Александра Файна** лишний раз подтверждает, что за годы, отведенные человеку на земле, можно прожить не одну, а сразу несколько жизней. Сделав в советском прошлом успешную карьеру главного конструктора в сфере промышленности, Александр Файн после крушения Союза сумел добиться незаурядных высот в крупном бизнесе, а в мир большой литературы пришел уже в зрелые годы, быстро завоевав пристальное внимание как широкой читательской публики, так и взыскательных профессионалов. История стремительного писательского становления автора наглядно доказала, что при наличии литературного таланта никогда не поздно реализовать свой творческий потенциал, поделившись с миром через художественное слово богатым жизненным опытом и плодами размышлений долгих, плодотворных лет.

Следуя в прозе лучшим традициям старой советской школы, Александр Файн в своих произведениях исследует быт и психологию советского человека, раскрывая внутренний мир своих героев на фоне развивающейся, трансформирующейся эпохи. Так, в своем новом романе «Одиночество, обманутое счастьем», писатель на фоне основного сюжета затрагивает такие важные социальные темы, как послевоенная разруха, голод, беспризорщина, дворовая преступность, незавидная судьба ветеранов-инвалидов или, например, противостояние коммунистической идеологии религиозному мировоззрению. При этом немаловажную роль, как и во всех прочих своих произведениях, автор отводит бытовому историческому экскурсу, из которого мы узнаем подробности аскетичной повседневности послевоенных лет — что тогда было на столе, какие играли пластинки на патефонах, чем наполнялся досуг и т.д. Знакомясь с главным героем Павлом Тулиным, мы сперва видим его отроком-«подранком» — безродным сиротой,

которого от колонии для малолетних преступников спасает лишь добрая рука тяжело изувеченного героя войны, директора детдома Андрея Тулина, давшего беспризорнику не только свою фамилию, но и билет в жизнь.

После прочтения нескольких крупных произведений Александра Файна нельзя не заметить, как перед нами вырисовывается некий единый собирательный образ главного героя, окруженного обилием второстепенных персонажей, которые призваны только лишь оттенять различные стороны его сложной, противоречивой натуры. Как правило, это талантливый, амбициозный мужчина-брутал, состоявшийся как профессионал и неординарная личность, но при этом не слишком счастливый в личной жизни человек, «застегнутый на все пуговицы», эмоционально закрытый ото всех. Все его окружение — это такие же, как он, маскулинные мужчины и обаятельные, соблазнительные, но весьма расчетли-

вые, прагматичные и довольно-таки легко-весные женщины, представляющие собой скорее объекты страсти и вожделения нежели самостоятельные, объемные личности, вызывающие подлинный интерес.

Герой нового авторского романа Павел Тулин, концентрирующий на себе все внимание читателя, как раз из породы таких брутальных, целеустремленных мачо. Он совмещает в себе сразу несколько амплуа — музыкально и общекультурно эрудированного интеллигента, грамотного «технаря», успешного дельца, атлета и донжуана. Он добивается недюжинных успехов в боксе, успешно развивается в профессии, с течением времени занимает кресло генерального директора и совладельца-акционера крупной коммерческой корпорации, а на закате лет вступает на писательское поприще. Однако в центре повествования оказываются не столько социальные успехи Павла Тулина, сумевшего столь высоко подняться с самых низов общественной иерархии, сколько его сугубо личные, скрытые ото всех психологические рефлексии; непреодолимое внутреннее одиночество, которым он терзается и в компании соперничающих с ним приятелей, и в объятиях случайных любовниц, и в респектабельной супружеской спальне. Любимец женщин и опытный дамский угодник, он не может найти подлинной близости ни с одной из своих пассий, по-настоящему воспринимая только лишь их телесность. Рядом с первой женой, страдающей нервами, Павла Тулина до поры до времени удерживает общий ребенок: «Участившиеся перепалки с Ириной по малозначимым поводам будоражили Павла мыслями о сомнительной перспективе семейного благополучия. Но молочный запах от мерно посапывающей на его груди крошечки душили эти мысли...». Однако после трагической гибели дочери в водах

Продолжение на стр. 2

НОВОСТИ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА СОСТОИТСЯ В ПЕРЕДЕЛКИНЕ, В ДОМЕ-МУЗЕЕ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Юбилейный вечер **Евгения Степанова** в Переделкине, в доме-музее **Корнея Чуковского**, состоится 17 августа в 16.00.

Вот такой анонс появился на сайте **Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля**: «Вечер поэзии Евгения Степанова и презентация книги избранных стихотворений "Младший брат травы" с участием автора.

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер. Родился в 1964 году в Москве. Окончил Тамбовский пединститут, Университет христианского образования (Женева) и аспирантуру МГУ, кандидат филологических наук. Автор нескольких книг стихов и прозы, изданных в России и других странах, а также научных монографий. Работал и печатался в центральной периодике.

Главный редактор журналов "Дети Ра", "Зинзивер", "Футурум АРТ", "Зарубежные записки", газет "Литературные известия", "Поэтоград" и других литературных СМИ. Зам. главного редактора газеты МИД РФ "Наша Смоленка: Люди и дела".

Лауреат премии имени А. Дельвига, премий журналов "Нева" и "Сура".

Президент Союза писателей XXI века, руководитель издательства "Вест-Консалтинг".

<https://goslitmuz.ru/poster/19877/?ysclid=lyyd5uvf5i854713170>

Ведущий вечера — поэт Максим Крайнов.

Вход по приглашениям.

После выступления будет фуршет.

Адрес:

Москва, поселение Внуковское, пос. Переделкино, ул. Серафимовича, д. 3

Сергей КИУЛИН

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«В ЯСНУЮ МИНУТУ ПРОЗРЕНИЯ...»

(К 120-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА)

Антон Павлович Чехов (1860–1904) справедливо предчувствовал: «Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе». Писатель оставил в завещание людям свою неизбывную мечту о новой прекрасной жизни и о человеке, в котором «должно быть все прекрасно».

Этот знаменитый чеховский призыв в пьесе **«Дядя Ваня»** (1896) был не декларацией, а руководством к действию. Сам писатель на протяжении всей жизни стремился отвечать этому идеалу. Пути самосовершенствования, согласно Чехову, — «беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час...» Путем непрестанного самовоспитания, труда души необходимо «выдавливаться из себя по каплям раба», преодолевать рабскую покорность, веками внедряемую в народное самосознание властью имущими «антихристами»-душителями свободы, заповеданной людям Богом. Но «в одно прекрасное утро» работающий над собой человек сможет осознать, «что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...». «Буду держаться той рамки, которая ближе сердцу <...>. Рамка эта — абсолютная свобода человека, свобода от насилия, от предрассудков, невежества, черта, свобода от страстей и проч...», — говорил писатель о главном направлении своей жизни и своего творчества.

Современники отмечали в личности и характере Чехова удивительное сочетание мужества, стойкости, силы воли, с одной стороны, и мягкости, кротости, «легендарной скромности», деликатности, — с другой. «Доброму человеку бывает стыдно даже перед собакой», — это убеждение несколько раз встречается в записных книжках Чехова. В повести **«Каштанка»** (1887), любимой многими с детства, герой, случайно наткнувшись на потерявшуюся чужую собаку, обращается с ней именно так, как, вероятно, это сделал бы сам писатель: «Он нагнулся к ней и спросил:

— Псина, ты откуда? Я тебя ушиб? О, бедная, бедная... Ну, не сердись, не сердись... Виноват <...> Что же ты скулишь? — продолжал он, сбивая пальцем с ее спины снег. — Где твой хозяин? Должно быть, ты потерялась? Ах, бедный песик! Что же мы теперь будем делать?

Уловив в голосе незнакомца теплую, душевную нотку, Каштанка лизнула ему руку и заскулила еще жалостнее.

— А ты хорошая, смешная! — сказал незнакомец. — Совсем лисица! Ну, что ж, делать нечего, пойдем со мной!»

Особого уважения и самого бережного отношения требуют человеческая личность, человеческое достоинство, в целом жизнь человека. Истинно воспитанные люди, с точки зрения Чехова, «сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...» Эта постоянная боль души — тоска по идеалу, которому должна соответствовать жизнь. «Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!» — восклицал писатель устами одного из героев драмы **«Три сестры»** (1900).

Любимые персонажи Чехова «горячо, страстно» веруют, что рано или поздно человечество увидит «жизнь светлую, прекрасную, изящную». «Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как

ласка. Я верую, верую», — со слезами убеждает себя Соня в финале пьесы **«Дядя Ваня»**. Эта лирическая медитация передает извечное томление растревоженной души, устремленной в «прекрасное далеко»...

Насколько отдаленно от идеала отстоит жизнь, Чехов показывал на протяжении всего творческого пути — от ранних юмористических и сатирических рассказов до лирико-психологических повестей и последних пьес с их глубинным подтекстом, «подводным течением», в которых, по справедливому суждению современников писателя, «реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа». Обыденная, будничная, серая, убогая жизнь с повседневным поруганием добра, красоты и правды, свободы, духовно-нравственных ценностей — эта жизнь, которую привыкли считать «нормальной», неизменно отклонилась от нормы, от Божьей заповеди о том, что люди созданы для счастья. Вечное блаженство — таково в наследии святых отцов христианской церкви понимание цели сотворения человека. Святой Григорий Богослов писал: «Мы получили бытие, чтобы благоденствовать; и благоденствовали после того, как получили бытие; нам вверен был рай, чтобы насладиться; нам дана была заповедь, чтобы, сохранив ее, заслужить славу». Но этот вверенный человеку Богом рай был потерян, заповеди нарушены, восторжествовало зло.

В письме А.Н. Плещееву от 9 апреля 1889 года Чехов сформулировал свои творческие установки: «цель моя — убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и к стати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы».

Явные отклонения: деспотизм и угнетение, грубость и невежество, рабскую покорность и забитость, чиновничество и низкопоклонство, шпионство и доносы, приспособленчество («хамелеонство») и лицемерие, всепоглощающую пошлость и другие пороки человека и общества — писатель изобличал во множестве юмористических и сатирических произведений. Хрестоматийно известные **«Толстый и тонкий»** (1883), **«Смерть чиновника»** (1883), **«Хамелеон»** (1884), **«Унтер Пришибеев»** (1885) стоят в одном ряду с сотнями других рассказов, юморесок, сценок, зарисовок, этюдов, оригинальных «вещиц». В них проявляются неистощимое чеховское остроумие, жанровая изобретательность, блистательный юмор, меткая сатира. В то же время сквозь беззаботный, казалось бы, смех проступает вызванная несправедливым устройством жизни невысказанная тоска.

Позже в рассказе **«Тоска»** (1886) это тягостное чувство воплотилось в полной мере, захлестнуло человеческую душу, переливаясь через край: «Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно». Извозчику Ионе не с кем поделиться своим тяжким горем: «Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Заместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...» Но среди тысяч людей герой пребывает словно в ледящей пустоте. Никто не желает хотя бы выслушать, что набо-

лело на душе у человека. В нем видят только внешнюю оболочку, место, занимаемое в социуме, — извозчика, который, как механизм, обречен четко выполнить свою функцию:

«— Ну, погоняй, погоняй! Господа, я решительно не могу дальше так ехать! Когда он нас довезет?

— А ты его легонечко подбодри... в шею!»

Всеобщее равнодушие к бедам и несчастьям других Чехов расценивал как «общий гипноз», от которого необходимо избавляться: «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясется беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других» (**«Крыжовник»** — 1898).

Свою неизбывную тоску Иона нежданно-негаданно для себя смог излить только перед бессловесным существом — лошадедкой, такой же измученной, заезженной, как он сам: «— Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты

Окончание на стр. 3

АТЛАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

ОТКЛИК НА ГОТОВЯЩИЙСЯ К ПЕЧАТИ РОМАН АЛЕКСАНДРА ФАЙНА «ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ»

Окончание. Начало на стр. 1

Чёрного моря исчезают и последние искры взаимопонимания между супругами. Немногим лучше складывается и второй, внешне благополучный брак с более мудрой и гибкой красавицей Ольгой, которая, пользуясь своей женской привлекательностью, учится манипулировать мужем, удерживая его при себе, но не стремится стать ему подлинным другом, воспринимает его только как успешного «альфа-самца», а не как живого человека, нуждающегося в душевном тепле. Да и сам Павел Тулин — эгоцентрик, заперший душу на засов, не стремящийся глубоко познать другого. Таковы же и его друзья. Так, например, один из них говорит: «Я на людей смотрю в телескоп, а нужно в мелкоскоп... Когда глухарь токует, он ничего не видит и не слышит... Я глухарь... Ведь мне никто не нужен! В массе гомосапиенс — коллективное животное, а есть уроды вроде меня». Примерно то же можно сказать о самом Павле Тулине, для которого одиночество и сосредоточенность на одном только себе — неотъемлемая часть натуры. Оттого его счастье так и не становится подлинным: за свер-

кающим, безупречным фасадом — разочарованность, неустроенность и непокой.

Сюжет романа Александра Файна «Одиночество, обманутое счастьем», развивается нелинейно — мы сначала видим отрочество героя, потом переносимся к позднейшим годам его долгой жизни, а после снова перемещаемся в студенчество или зрелость, наблюдаем его первый или второй брак и т.д., воссоздавая картину из разрозненных фрагментов целого. Да и едва ли можно сказать, что в романе есть четкий, ясно прослеживаемый сюжет. Скорее это масштабное полотно отдельно взятой человеческой жизни, архетипный портрет «героя советского времени», каким его представляет себе автор.

Напоследок хотелось бы отметить, что роман Александра Файна хорош не только сложносочиненной психологичностью образа главного героя, но также чистотой и добротностью русского языка, стиливой выдержанностью диалогов, а местами — живым юмором, отражающим дух советской эпохи с ее бородатными анекдотами, в меру фамильярным, но не распушенным флиртом и обаянием критической самоиронии.

Этот незаурядный и глубокий роман дает всем нам возможность взглянуть на самих себя без розовых очков и, может быть, стать хоть немного лучше, изменить свою жизнь. Автор говорит о том, что житейский успех чаще всего эфемерен, а главное в жизни — найти свое дело, свой талант, свое призвание. Только творчество помогло главному герою стать самим собой.

Крепкая, сложившаяся проза Александра Файна наверняка доставит удовольствие любителям советского «городского» романа, воссоздавая с детализированной точностью дух безвозвратно ушедшей эпохи и одновременно не теряя связи с днем сегодняшним, многие изъяны которого объясняются все теми же вечными нерешенными проблемами, отсутствием взаимопонимания, всеобщей отчужденностью и неудовлетворенностью личностного и общественного бытия.

Марианна МАРГОВСКАЯ,
кандидат философских наук,
член Союза писателей России

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Окончание. Начало на стр. 2

этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко?

Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей все...»

Библейский эпиграф: «Кому повем печаль мою?» — придает маленькому рассказу с его незатейливым героем-простолудином поистине вселенский масштаб. Духовное одиночество, беззащитность, неприкаянность, невозможность проявления искренних чувств, когда все отгорожены друг от друга и находятся в замкнутом кругу взаимного непонимания, — все эти мотивы и темы станут преобладающими в зрелом творчестве Чехова. В полный голос зазвучат они в драматургии, в рассказах и повестях, среди которых такие шедевры, как **«Дом с мезонином»** (1896), **«Дама с собачкой»** (1898), **«Дуэль»** (1891), **«Попрыгунья»** (1891), **«Черный монах»** (1893), **«Скрипка Ротшильда»** (1894), **«Архиерей»** (1902) и многие другие.

Так, в повести **«Дама с собачкой»** герой признается самому себе в том, что «по какому-то странному стечению обстоятельств, быть может, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, в чем он был искренен и не обманывал себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно от других, все же, что было его ложью, его оболочкой, в которую он прятался, чтобы скрыть правду, как, например, его служба в банке, споры в клубе, его "низшая раса", хождение с женой на юбилей, — все это было явно. И по себе он судил о других, не верил тому, что видел».

«Мелюзга» — название этого рассказа обобщает мелко-травчатую, раздробленную сущность большинства персонажей Чехова в его ранних произведениях первой половины 1880-х годов — эпохи реакции и безвременья. Чего стоят придуманные писателем говорящие фамилии антигероев! Здесь мелкие чиновники Козьявкин, Невыразимов, Кашалотов и Дездемонов (**«Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»**), Червяков (**«Смерть чиновника»**) и им подобные, дьякон Вратоадов и протоиерей Восьмистишиев, трактирщик Грешкин (**«Брожение умов»**), инспектор духовного училища Двоеточиев (**«Невидимые миру слезы»**), смотритель уездного училища Хамов, законоучитель Змиежалов, инспектор народных училищ Ахатов (**«Экзамен на чин»**), учитель Ахинеев (**«Клевета»**), купцы Синерылов и Недорезов (**«Гордый человек»**), майор Щелкоколов (**«За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»**), поручик Гауптвахтов (**«Забыл!»**), штык-юнкер Крокодилы (**«Что лучше?»**), отставной прапорщик Вывертов (**«Упразднили!»**), отставной контр-адмирал Ревунов-Караулов (**«Свадьба с генералом»**), девица Подзатылкина (**«Перед свадьбой»**), жених Апломбов (**«Брак по расчету», «Свадьба»**), полицейский исправник Арцыбашев-Свистаковский (**«Шведская спичка»**), полицейский надзиратель Очумелов (**«Хамелеон»**), тайные агенты Прекрасновкусов и Дробискулов (**«Закуска»**), тайный советник Гундасов (**«Тайный советник»**), надворный советник Пальцев (**«Баран и барышня»**), начальник Укусилов (**«Рыцари без страха и упрека»**) и великое множество других, часто вовсе безымянных персонажей. «Мелкие коммерсантики, ссудосберегатели, практические людоедишки <...>» (**«Встреча весны»**) — все эти ничтожные людишки вращаются в пестром kaleidoscope измельчавшей, исполинувшейся «гнусной расейской действительности» с ее казенщиной, полицейщиной, подлостью, лакейством, притворством...

Героические характеры, мужественные натуры, незаурядные личности встречались крайне редко или исчезали совсем. Всякую смелую честную мысль власть стремилась задавить на корню, опасаясь проявлений «политической неблагонадежности». В удушливой атмосфере жизни, «не запрещенной циркулярно, но и не разрешенной вполне» (**«Человек в футляре»** — 1898), процветали подозрения, доносы, слежка. «Жизнь нашу можно уподобить безумцу, ведущему самого себя в квартал и пишущему на себя клязу», — отмечал Чехов в заметках **«Философские определения жизни»** (1882).

Умные, тонко чувствующие натуры зачастую не выдерживали психологического давления уродливой социально-политической жизни. Многие сходили с ума, заболели манией преследования. Таков герой повести, название которой прочно вошло в русскую речь как крылатая фраза, — **«Палата № 6»** (1892). Это лингвистическое явление неслучайно, как нет ничего случайного в развитии языка народа и нации. «Самый русский из русских писателей» **Н. С. Лесков** (1831–1895), который, будучи маститым автором, одним из первых разглядел оригинальный талант Чехова и благословил его на художественное творчество: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши», — обобщил смысл чеховской повести: «В "Палате № 6" в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду — палата № 6. Это — Россия... Чехов сам не думал, что написал (он мне говорил это), а между тем это так. Палата его — это Русь!»

Предельно сгущенный образ палаты № 6 — всей России — двойся: это и сумасшедший дом, и тюрьма одновременно. Неслучайно в разных произведениях Чехова зачастую повто-

ряются одни и те же бытовые детали, которые наполняются универсально-символическим смыслом. Таков, например, унылый, уродливый, длинный забор, ошестинившийся острыми гвоздями, — символ несвободы и жестокости общественных отношений, разъединенности и тоски людей, навсегда отгороженных от той прекрасной жизни, какой она должна была бы быть. Обшарпанный флигель с палатой № 6 оцепляет «серый больничный забор с гвоздями. Эти гвозди, обращенные остриями кверху, и забор, и самый флигель имеют тот особый унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек». Замечательный мастер психологической детали, Чехов показал подобный забор и в **«Даме с собачкой»** — напротив, казалось бы, обычного, даже благополучного дома, в котором проживала героиня повести: «Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями. "От такого забора убежишь", — думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор». И здесь все то же заточение, та же безнадежность, безысходность.

«Никогда нас не выпустят! <...> Сгноят нас здесь! О Господи, неужели же в самом деле на том свете нет ада и эти негодяи будут прощены? Где же справедливость? Отвори, негодяй, я задыхаюсь! <...> Убийцы!» — кричит Иван Дмитрич Громов — пациент, запертый в жуткой палате № 6 больницы для умалишенных. Героя повести отличают высокие духовно-нравственные качества, особенно ценимые Чеховым: благородство, «врожденная деликатность, услужливость, порядочность, нравственная чистота»; «тонкие черты, положенные на его лицо глубоким искренним страданием, разумными и интеллигентными, и в глазах теплый, здоровый блеск. <...> он <...> вежливый, услужливый и необыкновенно деликатный в обращении со всеми <...> хорошо образован и начитан».

Неудивительно, что в атмосфере полицейского государства, в котором в закон возведены подавление свободы, насилие, физическое и нравственное надругательство над личностью, подкрепляемые несправедливым судейством, Громов болеет манией преследования: «Вечером он не зажигал у себя огня, а ночью не спал и все думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму. Он не знал за собой никакой вины и мог поручиться, что и в будущем никогда не убьет, не подожжет и не украдет; но разве трудно совершить преступление нечаянно, невольно, и разве невозможна клевета, наконец, судебная ошибка? Ведь недаром же вековой народный опыт учит от сумы до тюрьмы не зарекаться. А судебная ошибка при теперешнем судопроизводстве очень возможна и ничего в ней нет мудреного. Люди, имеющие служебное, деловое отношение к чужому страданию, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально <...> При формальном же, бездушном отношении к личности, для того, чтобы невинного человека лишить всех прав состояния и присудить к каторге, судье нужно только одно: время. Только время на соблюдение кое-каких формальностей, за которые судье платят жалованье, а затем — все кончено».

Речи душевнобольного героя вполне благоразумны, глубоко выстраданы. Это острая реакция на торжествующее в жизни зло. Такие слова о наблевшем мог бы повторить каждый честный, здравомыслящий человек: «Говорит он о человеческой подлости, о насилии, попирающем правду, о прекрасной жизни, какая со временем будет на земле, об оконных решетках, напоминающих ему каждую минуту о тупости и жестокости насильников. <...> О горожанах он всегда отзывался с презрением, говоря, что их грубое невежество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными. <...> О чем, бывало, ни заговоришь с ним, он все сводит к одному: в городе душно и скучно жить, у общества нет высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь, разнообразия ее насилием, грубым развратом и лицемерием; подлецы сыты и одеты, а честные питаются крохами; нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество знало себя и ужаснулось».

Схожее восприятие жизни, от которой терзаются все чувствительные люди, отразилось во множестве чеховских произведений второй половины 1880-х — начала 1900-х годов: «Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вранье <...> Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...» (**«Крыжовник»**).

«Какие дикие нравы, какие лица! Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство <...>. Ненужные дела и разговоры все об одном отхватывают на свою долю лучшую часть времени, лучшие силы, и в конце концов остается какая-то куцая, бескрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бежать

нельзя, точно сидишь в сумасшедшем доме или в арестантских ротах!» — ужасается в повести **«Дама с собачкой»** Дмитрий Гуров, когда в нем вдруг пробуждается живая душа.

Сергей Никитин — главный герой повести **«Учитель словесности»** (1894) — также чуть ли не на грани безумия, когда внезапно приходит отчетливое осознание пустоты и никчемности обывательского существования. Он лихорадочно записывает в своем дневнике: «Где я, Боже мой?! Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее, тоскливее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»

Гимназический учитель словесности, который на время застыл в самодовольстве, остановился в развитии, в ясную минуту прозрения приходит к суду над самим собой: «"В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга" <...> он с уверенностью говорил себе, что он вовсе не педагог, а чиновник, такой же бездарный и безличный <...>; никогда у него не было призвания к учительской деятельности, с педагогией он знаком не был и ею никогда не интересовался, обращаться с детьми не умеет; значение того, что он преподавал, было ему неизвестно, и, быть может, даже он учил тому, что не нужно», но он «умеет скрывать свою тупость и ловко обманывает всех, делая вид, что у него, слава Богу, все идет хорошо». Таковы и другие псевдоучителя — коллеги Никитина: «На другой день, в воскресенье, он был в гимназической церкви и виделся там с директором и товарищами. Ему казалось, что все они были заняты только тем, что тщательно скрывали свое невежество и недовольство жизнью».

Однако для героя «иллюзия иссякла и уже начиналась новая, нервная, сознательная жизнь, которая не в ладу с покоем»: «кроме этого мирка, в котором так спокойно и сладко живется ему и вот этому коту, есть ведь еще другой мир... И ему страстно, до тоски вдруг захотелось в этот другой мир, чтобы самому работать где-нибудь на заводе или в большой мастерской, говорить с кафедры, сочинять, печатать, шуметь, утомляться, страдать... Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя».

В рассказе **«Крыжовник»** постаревший герой, ощущая себя бессильным, обращается с умоляющим призывом к молодому поколению: «не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока малы, сильные, бодры, не уставайте делать добро!»

Чехов сумел показать универсальный конфликт — «противоречие между данным и желанным», жажду полноты жизни и столкновение человека с самим несправедливым устройством действительности, бесконечно далекой от идеала. «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны трупу, а не человеку. <...> Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа», — утверждал писатель устами героя рассказа «Крыжовник».

Но «когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего» (**«Дядя Ваня»**). Имитация подлинной жизни, существование по инерции оборачиваются тяжелыми психологическими травмами. В минуты проблесков ясного сознания точно пелена спадает с глаз чеховских героев. К ним приходит прозрение, позднее раскаяние и стремление изменить нелепо, бездарно растраченную жизнь: «жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад — там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озноб берет».

Однако запоздалый порыв востребованной души не получает развития, и часто смерть представляется лучшим исходом, чем бескрылая, «убыточная» жизнь. Умиравший герой рассказа **«Скрипка Ротшильда»** размышляет, «что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы?»

Современный Чехову критик Волжский (А. С. Глинка) верно отметил, что широко развернутая в произведениях писателя картина жизни «не укладывается в узкие исторические рамки 80-х гг., а идет далеко шире и вглубь русской действительности, как прошлых, так и будущих десятилетий».

И сегодня вслед за Чеховым мы столь же горячо желаем: «О, скорее бы все это прошло, скорее бы изменилась как-нибудь наша нескладная, несчастливая жизнь» (**«Вишневый сад»** — 1903).

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Сборник гражданской лирики «России дух неистребим» с предисловием Министра иностранных дел С. В. Лаврова увидел свет в преддверии Дня Победы. 74 года — огромный срок. Вроде бы Великая Отечественная война позади, но... мало того, что она тревожила и будет тревожить наши умы, обстоятельства складываются таким образом, что разразился новый конфликт. Настоящая книга посвящена СВО, и, читая ее, мы убеждаемся: боевой дух русского солдата остается столь же твердым, что и почти восемь десятилетий назад.

С началом спецоперации расплодилось немало «авторов», которые пишут о Донбассе, хотя у них под окнами совсем не черные от копоти кварталы Бахмута. Пишут «диванные воины» регулярно и с воодушевлением. Вот только большинство этих творений — «ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса» (да, именно так звучит полный вариант поговорки). Подобные опусы не просто художественно несостоятельны, они вторичны, поскольку созданы по принципу «слышен звон, да не знаем, откуда он». Много ли мы знаем о том, что происходит на фронте?..

Если честно ответить на этот вопрос — «нет», то перед читателем возникает другой: что важнее для создания хорошей гражданской лирики — владение информацией или дар слова? И кто может рассказать о боевых действиях лучше, чем доброволец, очевидец этих страшных событий, который, кроме того, наделен литературным талантом? Натурализм иногда становится настоящим искусством. Об этом свидетельствуют стихи Дмитрия Артиса:

Едем по колдобинам и пашням
за как будто без вести пропавшим,
чтобы от прекраснейшего воина
было хоть чего-то похоронено.

Таково далеко не полное изображение реальности. С неподражаемой простотой и лаконичностью (стихотворение состоит всего из двух четверостиший) автор воссоздает трагическую картину, которую и представить-то страшно, не то что непосредственно участвовать в событиях. Этот короткий текст написан, что называется, «с натуры» (повествование идет от первого лица), что несколько не вредит читательскому восприятию, но дает представление о том, что происходит «за лентой». Автор пробуждает читательскую совесть — и на войне люди должны оставаться людьми. Своих не бросают...

В книгу вошли как стихотворения профессиональных поэтов, так и гражданская лирика бывших и нынешних сотрудников МИД России, участников специальной военной операции, а также жителей Самарской области и воссоединенных субъектов Российской Федерации. Свою патриотическую позицию смело высказывают даже школьники. Не все стихотворения безупречны в литературном плане, но все они появились

России дух неистребим
Сборник гражданской лирики поэтов
МИД, творческих союзов, участников
СВО, жителей Самарской области
и воссоединенных субъектов
Российской Федерации
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

на свет по велению сердца. Язык не поворачивается оценивать эти произведения по правилам литературной критики. Разве можно придираться к строке юного поэта, в которой видится и слышится то неосознанное, что именуется поэзией:

Хотим мы смелыми и сильными все стать,
И чтоб никто не вздумал больше с нами воевать.
Россия — добрая и мирная страна.
Ей очень нужен мир и не нужна война!

Автору одиннадцать лет. «Тяжеловатые» синтаксические конструкции выражают горячую любовь мальчика к Родине. Поэзия воздействует, в первую очередь, на эмоции, на чувства, и дети это воспринимают острее взрослых. Эти строки трогают за живое, а робкий восклицательный знак в конце не оставляет сомнения в искренности чувств автора. Это неподдельно, это звучит по-настоящему. А искренности в наше смутное время ох как не хватает...

Данная книга, хоть и собралась под обложкой столь разноплановых авторов, выглядит сильной и целостной. О великой ценности человеческой жизни одинаково серьезно рассуждают

как воспитанник детской литературной студии, так и умудренный опытом сотрудник Министерства иностранных дел РФ:

Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколения на Земле
Несут все дальше жизни эстафету.

Перед нами размышления выдающегося советского политика и дипломата Юрия Андропова. Есть в этом стихотворении красивая антитеза: «мгла — рассвет». Она нужна, чтобы противопоставить бесконечные конфликты извечному стремлению человека к свету. Как бы современные «историки» не пытались извратить прошлое, русскому человеку очевидна ценность мирной, спокойной жизни на планете и ценен подвиг предков, благодаря которым мы появились на свет. Автор убежден: жизнь — самая большая человеческая ценность. Мы обязаны ею солдатам, тем, кто не боялся в минувшем веке броситься с гранатой под танки... Эту же тему развивает Владимир Пряхин:

И я перед ними в ответе,
Свои полстолетия прожив,
За то, что рожден в сорок третьем,
За то, что в двухтысячном жив.

Почему мы должны помнить о Великой Отечественной войне? Память — сокровище, благодаря которому не забыт беспримерный подвиг советского народа. Посредством передаваемых из поколения в поколение рассказов о былом, мы можем почувствовать, как радость от Победы, так и провести параллель между новейшими событиями. История имеет прискорбное свойство повторяться, когда слабеет память о предках. Снова плачут матери, снова гибнут сыновья... Перед нами короткий верлибр Галины Шукленковой, мамы погибшего солдата СВО:

Есть утешение одно,
Хоть и мизерное оно.
Теперь никто и никогда
Тебя не подставит, не обманет,
Не унижит и не ударит.

Нельзя обесценить такие чувства. Сколько ни переписывай историю, сколько ни резвись в либеральных блогах, не исчезнут ни сопричастность к радости наших дедов и прадедов, ни гордость за «СВОих» — участников спецоперации. По крайней мере, пока живы те, кому не все равно. Пока рождаются стихи...

Ольга ЕФИМОВА

Поэт Любовь Берёзкина в названии своего нового сборника стихотворений использует инверсию, чтобы подчеркнуть: тяжелее всего рассуждать о том, что кажется простым. Поскольку в русском языке логическое ударение падает на последнее слово, мы понимаем: разговор будет трудным. Он отличается от просто неприятной коммуникации тем, что за словами следуют действия, определяющие судьбу. Но если придерживаться правил конструктивного диалога, у людей есть возможность не просто договориться, а «вырулить» в нечто большее, например, вернуть пошатнувшееся доверие друг к другу, избежать ненужных нападок, просто выразить все, что «накипело».

Читая эту книгу, образно выражаясь, «ставишь жизнь на паузу». Мы слишком много думаем, а стоило бы чаще действовать «по сердцу», к чему поэт нас призывает едва ли не в каждой строке. Глубокая мысль требует лаконичного оформления, а оно, в свою очередь, достигается высоким уровнем сосредоточенности. Чтобы освежить ум и отточить мысль, необходимо погрузиться в молчание. Из тишины рождается слово, прозрачное, как хрусталь:

И в этой встрече здесь, наедине,
Где умерли слова — как ты доверчив! —
В единственной, как совесть, тишине
Останется твой отпечаток человеческий.

Используя слово-образ «тишина», поэт напоминает нам: отсутствие звуков порождает в человеке стремление обратиться взор вовнутрь, упорядочить эмоции. Почти забытое нынче слово «совесть» тюкает читателя в темечко: действительно, а не является ли городская суета ширмой, за которую человек прячется, чтобы только не встречаться с собой, чтобы, упаси Господь, не задаться вопросом: «Где же все-таки я настоящий?».

Тишина кристаллизует течение времени. Рядом с «бессонницей» поэт ставит родственное слово и рассуждает о «бессмыслице», о том, как мы сами себе усложняем жизнь.

Любовь Берёзкина
Говорить о вещах простых
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

на вес золота. Это же просто — выслушать собеседника, не перебивая и не оценивая. Ага. Но если бы это было так просто, огромная армия психотерапевтов вынуждена была бы искать себе другую работу...

Не стоит забывать и о социальном аспекте молчания. Молчание — мощный способ общения в том случае, если слов не хватает, слова кажутся избыточными или, напротив, легковесными. Для того, чтобы «подключиться» к другому, прочувствовать его состояние, иной раз достаточно прикусить язык. Так, обращая к читателю пейзажную лирику, Любовь Берёзкина рассчитывает именно на безмолвное сопереживание. И как прикажете прокомментировать, например, восьмистишие, по характеру звучания родственные полифоничной лирике Юрия Казарина:

По водной глади проведи рукой,
почувствуй, как она целует кожу,
как проникает атом золотой,
приставленный к ее речному ложу,
в тугую кровь, текущую назад,
к исходу инолюбца в иноверца,
и как в нее заходит листопад,
и, оживая, вспыхивает сердце.

Так и хочется воскликнуть: «Остановись, мгновенье!..». И вместе с этим возгласом к читателю приходит озарение: простым является вообще все. Жизнь — простая штука. В этой звенящей тишине хочется раствориться. Тем неожиданной кажется обращение поэта к современной лексике, отягощенной маркерами времени (название компьютерной программы, фамилия знаменитого рокера), как, например, в стихотворении с бунтарским названием «Панк»:

О том, что зачастую диалог превращается в спор слепого с глухим:

И над холодными перилами,
Где прежде надмевался Рим,
Мы говорим в себя с любимыми,
Не прерываясь, говорим.

Отчего так?.. Может быть, стоит вспомнить о том, что природа дала человеку два уха, но всего один рот? Хороший слушатель услышит не только смысл сказанного, но и то, о чем собеседник предпочел умолчать. Такой слушатель ценится

Окончание на стр. 3

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Стараюсь не пропускать новые публикации и поэтические вечера Наталии Лунёвой. Мое знакомство и общение с поэтом началось на Фестивале Литературного Эксперимента. Наталия — смелый поэтический экспериментатор, продолжающий опыты Велимира Хлебникова, Осипа Мандельштама по созданию и трансформации слова, по гармонизации звучания и смысловой нагрузки поэтического текста. Ее творчество, связанное с комбинаторным стихосложением, отмечено особым вниманием к звучанию стиха, слова, слога и даже отдельной буквы. У Наталии музыкальное образование, чуткий слух и удивительная способность к звукописи. Сергей Бирюков предлагал рассматривать подобные поэтические тексты как некие партитуры, он же ввел для такой поэзии термин «звучность» как русский синоним терминов «саунд-поэзия» (англ.), «сонорная поэзия» (франц.), «лаут-поэзия» (нем.). Звучарная поэзия Наталии Лунёвой (особенно в авторском чтении) подчеркивает актуальность фонетической характеристики слова, музыкальности, интонации, при этом не упуская смысл и визуализацию стихотворения. Наталия экспериментирует с формой и звучанием стиха, разбивая его на строфы, строки, дробя слова так, что слоги порой превращаются в отдельные строчки. Когда русских слов не хватает для звучания или для раскрытия образа, поэт вводит слова иностранные (по аналогии с некоторыми стихами Е. Кацюбы, Г. Айги и др.).

Название новой книги Наталии Лунёвой «Заоблачные погреб» обещает что-то неясное, высокое (поскольку заоблачное) и скрытое надежно (погреб ведь предназначены для длительного, надежного хранения ценного и нужного). В названии есть что-то несовместимое, оксюморонное объединение метафорических земных глубин и небесных высей. Это как сигнал читателю: будь начеку, будь внимательнее, возможно, от страницы к странице откроется что-то неожиданное. И оно в книге открывается: облачность мысли тяготеет к определенности звучания слова, которое эту мысль надежно сохраняет, а поэт формулирует готовность творить таким образом: «... истомленную тучку — / в погреб неведомого ничто отпущу», чтобы «... собирать плотней в заоблачных погребах / свое бездыханное небо». Наталия Лунёва говорит это как бы в ответ и вослед авангардистам, у которых «небо — это высота взгляда / взгляд — это глубина неба» (Константин Кедров), «а небо — искренний экран (Елена Кацюба).

В отношении поэтических произведений Наталии Лунёвой совершенно справедливы рассуждения Сергея Бирюкова: «Любое стихотворение — это прежде всего концентрация — мыслительная, эмоциональная, интонационная». Восприятие произведений звучарной поэзии в боль-

Наталия Лунёва
Заоблачные погреб
Стихи
М.: «Вест-Консалтинг», 2023

шой степени зависит от авторского чтения, подобно звучанию музыки, на которое влияет и исполнитель, и технические возможности музыкального инструмента. Любое литературное или музыкальное произведение, записанное на бумаге, может быть озвучено и интерпретировано по-разному, в зависимости от исполнителя, от его звуковых, интонационных, пластических и др. возможностей. И озвученное произведение, таким образом, будет отличаться от написанного на бумаге, как тишина отличается от звучания ноты, аккорда, буквы, слова.

По словам Валерия Шерстяного о звучарной поэзии, стих «с бумаги в воздух просится, как бы шепча: "Читай меня не про себя, а вслух!"». И Наталия Лунёва откликается совершенно разными по стилю и настроению стихами, например, так:

Зычно в зыбь навзрыд
Уныть?
Или нырять
в сны дождей?
Высветилась, выстелилась
высь листвы.

Простывшая сныть
зычно в зыбь навзрыд...
И я подды-
юсь грысти осынной,
одочней
о дольче,
о дольше вромона,
моно в ромб...
Потом в овал.
Скоро, скоро
в комок
Мой лост-
ок...

Стихи Наталии Лунёвой как будто сквозь века поддерживают рассуждения М.В. Ломоносова: «В русском языке, как кажется, частое повторение письма "А" способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины; ущажение писем "Е, И," — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей, через "Я" показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через "О, У, Ы" — страшные и сильные вещи: гнев, зависть и печаль».

Используя звукоподражание и звукопись, поэт формирует уникальную фонетику стихотворения. Вольно или невольно Наталия Лунёва следует совету Валерия Брюсова: «Верь в звук слов / Смысл тайн в них». И поиски этого смысла неисчерпаемы и нескончаемы, как творчество. Наталия образно формулирует протекание творческого процесса: «Моя замысловатая линия...» «выводит меня на холст... / и с холста, / за дверь этой жизни / выводит...».

И читатель вместе с поэтом погружается в завораживающую таинственность звучащего поэтического полотна. Прочтение книги поэта напоминает о том, что поэзия — организм живой, развивающийся, в том числе и в направлении смыслового и фонетического обновления и обогащения языка, в расширении картины мира.

Елена ТКАЧЕВСКАЯ

Handwritten signature of Elena Tkachevskaya.

НОВОСТИ

НОВАЯ КНИГА ЛЮБОВИ БЕРЁЗКИНОЙ

Новая книга стихов **Любови Берёзкиной** «Говорить о вещах простых», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», поступила 30.07.2024 в магазин «Фаланстер».

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Окончание. Начало на стр. 4

Мы поедем с тобой до конца сквозь туман
в голове полуголою Игги Попа,
в котором есть что-то от мертвеца,
выходящего ночью из фотошопа
покатать нас по городу за медяк —
сойдет и железная зажигалка.

А город-то показан в этом стихотворении ночной — при-
тихий и таинственный. Выходит, декорации меняются, а суть
поэтического высказывания остается неизменной. С помощью
прозаизмов поэту удастся достучаться до нас, привлекая вни-
мание необычной звучностью высказывания. Ясная логика
построения стиха, законченная поэтическая структура дают
возможность преодолеть хаотичность человеческой жизни
силой упорядоченного особым образом слова:

Вот хлебного поля ломоть,
луковая стрелка дороги,
небесное яйцо, светлые

волосы тишины поселковой, —
все замечает соленый мой взгляд.

Какие исконно русские слова, какие объемные образы!..
Да и вообще, что значит «простой»? Открытый, доступный
взгляду, ничего не таящий. Нет, конечно, бывает и «простота
хуже воровства», но это уже лукавство: там за «простоту»
выдаются не самые лучшие качества характера: бестак-
тность, наглость, жадность... В своем же первичном значе-
нии это слово роднится со словом «простор» — чем обыден-
нее понятие, тем больше в нем сокрыто смыслов. Так, неко-
торые вещи способны вбирать в себя весь мир, как, скажем,
слово «хлеб» — сколько благоговения в образе хлебного
поля. И это мы еще не коснулись религиозного, величайше-
го смысла крошечного хлебного кусочка, погруженного
в чашу с вином... А помните поговорку: «Где просто, там

ангелов по сто, а где мудрено — там ни одного»?
Многочисленные смысловые нюансы и звуковые обертона
словосочетания «простые вещи» при погружении в тонкости
их восприятия оказываются весьма трудными для осмысле-
ния. Но сердце поэта не нуждается в философских дискуссиях.
Любовь Берёзкина в своей новой книге напоминает нам:
мы совершенно не знаем, что такое истинная суть вещей,
пока не начинаем о них задумываться.

Вера КИУЛИНА

Handwritten signature of Vera Kiyulina.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Символ лестницы будоражит в памяти библейские толкования, дает пространство для интерпретаций, а также пространного экскурса в историю: лестница имеет огромное значение для мировой культуры и сохраняет свой символизм по сей день... Но что самое важное в этом образе? Ступени. Каждая отдельная ступень, начиная с первой, от которой идет отсчет. Николай Хлестов так завершает свой рассказ, давший название сборнику: «Дверь, лестница, окно, из которого на жизнь впервые начинаешь смотреть. А если этого лишиться, то может, вовсе и не надо на жизнь смотреть, коли забыл окно, дом, двор свой, лестницу, по которой по жизни карабкался!». Рассказ интересен еще и тем, что ведется от лица предмета: лестница рассуждает о том, стоит ли покидать Родину. Эта книга начинается с рассказов, и вчитываясь в короткие истории, отдаешь автору дань уважения: философские размышления лестницы стилистически ярко отличаются от переживаний мальчика Андриуши, а эта история, в свою очередь, контрастна ремейку чеховского рассказа. «Толстый и тонкий» в современной интерпретации выглядят столь же трагикомично: социальное расхождение еще никто не отменял...

Живые, разноплановые рассказы открывают нам различные картины восприятия обычной человеческой жизни. В рассказе «Мама приехала» описана простая ситуация: маленький мальчик ждет, когда придет мама, чтобы забрать его из детского сада. Казалось бы, что можно об этом написать? Ну плачет ребенок, а увидел маму — успокоился. Но этот рассказ я перечитывала несколько раз. Современные ученые доказали: двусторонняя связь между мамой и малышом выстраивает доверительную и безопасную привязанность, необходимую для правильного развития мозга. А нам и без научных исследований ясно, что никто не заменит малышу маму. Остается лишь согласиться с автором: «Счастье? В двух словах? Это когда мама приехала!».

Тем интереснее переход писателя от малой формы к объемной прозе. Здесь разом улетучивается щемящая открытость, свойственная его рассказам. Нет, кое в чем его герой искренен, но... скажем так, неопасно. Думает себе потихоньку, пишет себе «в стол» книжечку про Хобота... «Нетерпеливый шаг тени» — произведение о том, как государственная машина шаг за шагом разрушает в человеке личность, чтобы под конец окончательно добить: «Не нужны нам такие нетипичные герои, у которых, к тому же, нетерпеливо шагает тень!». Злая ирония последней фразы заставляет читателя поежиться. Государству не требуются умные, свободно мыслящие люди... Это непростое повествование преподносится нам в «ломаной» композиции — «роман в романе», когда истории вроде бы противопоставляются друг другу, но при этом образуют единое целое. Этот прием придумал не Хлестов, он отточен до совершенства такими классиками мировой литературы, как Э. Т. А. Гофман и М. А. Булгаков. Но, удачно используемый автором в повести о советском обществе, показывает, во что может превратиться человеческая жизнь, когда в газетах все в порядке, а в жизни — совсем наоборот. Забегая вперед, стоит сказать, что эта форма изложения оптимальна для описания раздвоения личности, которое неотвратимо формируется у отдельно взятого индивида. Главный герой повести задается вопросами, о которых его «товарищи по партии» предпочитают не задумываться. Так, например, на поминках коллеги его преследуют тяжелые мысли, в которых на удивление много человечности для того слоя общества, к которому он принадлежит: «Спроси многих выступавших на панихиде и поминках: каким был на самом деле Андрей Петрович? Навряд ли многое смогли бы они сооб-

щить не по шпаргалке. Да, был неплохим человеком. Добрым, даже смелым, а что еще? Тишина. Все известные его поступки ничего не прибавляли к этой загадке. От этого Саженкову стало даже тоскливо». Формализм государственного управления, так же, как и «ритуальные» собрания, вызывают в душе главного героя если не отторжение, то как минимум неприятие. А ведь бюрократия не может работать по-другому. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание — за нечто формальное. Потому и на поминках коллеги Саженкова выражаются общими словами: отсидели мероприятие, и хватит с них. В отличие от своих сослуживцев, главный герой пока не потерял способности чувствовать, и его внутренний монолог звучит трагически: «Почему мы относимся к мертвым, как к живым, а к живым не можем относиться как к мертвым?» И вот уже кажется, что сейчас произойдет нечто переломное в жизни Александра Васильевича: либо он встанет и громко произнесет не сухую заупокойную речь, а по-настоящему теплые слова, либо и вовсе на следующее утро напишет заявление об увольнении... Но не тут-то было: «Он попрощался с безутешным другом. Хотел было спросить его имя да одумался. Это показалось ему теперь уже ненужным». Бюрократическая система всегда центрирована, поскольку опирается в своей практике на закрепление существующих в обществе связей, стабилизацию элементов. Стало быть, инакомыслие внутри данной системы подавляется в зародыше. Но разве возможно всех причесать под одну гребенку? У человека в таком случае два пути: или приспособиться к системе, или выйти из нее. Первое грозит разрушением личности, второе равносильно добровольному изгнанию. Среднего не дано, поскольку, балансируя между двумя крайностями, человек потихоньку сходит с ума, что и происходит с Александром Васильевичем. Он начинает писать художественную прозу... Здесь можно было бы предположить, что, будучи дипломатом, Николай Хлестов создает изящную пародию на знаменитый роман Булгакова (велик риск «перенести» культовые события в более поздние советские годы, не привлекая внимания к внутреннему конфликту центрального персонажа), но нет, эта рукопись

Николай Хлестов**Лестница****М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

живет собственной жизнью, гореть не собирается, да и силенок у Саженкова на противостояние общественному строю не остается. У того, о ком он написал, также развивается социальная апатия: «Просто люди не любят, как это ни странно звучит, когда им помогают, даже из самых лучших побуждений. Человек готов отказаться от всего, кроме своих иллюзий». Между прочим, писатель не так уж и сочиняет. Научно доказано, что если человек ничего не способен создать в реальности, он вынужден «сбежать» в иллюзорный мир. Сам по себе эскапизм не является психическим расстройством, это, скорее, средство избегания, но не стоит его недооценивать... В общем, утопических рекомендаций Николай Хлестов не дает, но образ нетерпеливо шагающей тени врезается в память. Во многом потому, что приходится соотнести себя с центральным персонажем: а я-то живу той жизнью, какой хочу? Могу ли себе позволить быть собой?..

Еще одно «политическое» произведение завершает эту объемную книгу. Авторская идея фильма «Три» (для тех, кто собирается прочитать последующий сценарий) может вызвать у старшего поколения ностальгические чувства. Фильм, посвященный тридцатой годовщине крушения СССР, у молодежи может пробудить исследовательский интерес: что ж это было за время такое, в котором нас еще и в проекте не было?.. Но основная целевая аудитория автора — те, для кого известные события разделили жизнь на «до» и «после». Подзаголовок «Ироническая комедия на фоне исторических событий» запускает в голове читателя ассоциативный ряд: советская комедия — фильмы Рязанова, полные светлой грусти — открытый финал, который как хочешь, так и понимай... Очень радует язык автора, полный мягкой иронии: «В кабинете № 3 коллеги начали уже работать — они пили чай». И вот они потихоньку «работают», обсуждают происходящее. Идти или не идти к Белому Дому — вот в чем вопрос. Выразить или нет свое малюсенькое волеизъявление? Каждый определяется сам, но от его выбора зависит его собственное будущее. У Сергея, например, чуть до развода дело не дошло. Кульминацией семейного скандала становится отчаянный детский крик: «Мама! Не ходи! Не ходи в революцию!». И хотя в отдельно взятой семье никто «не пошел в революцию», автор призывает нас помнить о том, что нашлись и те, кто туда отправился. А трое оттуда не вернулись... Кто вспомнит их имена тридцать лет спустя?..

Книга Николая Хлестова, объединившая в себе столь разные литературные жанры, как рассказы, стихотворения, повесть и сценарий художественного фильма, придется по вкусу, прежде всего, читателю образованному, с философским складом мышления, склонному к ностальгии. Вопросы, обращенные к читателю, требуют развернутых ответов: «Ушла эпоха других отношений, другой веры — в светлое будущее. Как ушла после 1917 года другая эпоха, другие отношения. Можно догадываться, какими были чувства людей, воспитанных в дореволюционные времена. Как им приходилось встраиваться в ту новую жизнь, которую они не могли ни принять, ни тем более понять? Все повторяется, и, может, сегодня — это наша расплата за то наше прошлое?». Будучи дипломатом по профессии, автор поступает с нами тактично: избегая нравоучений, он оставил эти вопросы «для самостоятельного разбора».

Закончить хочется словами одного из героев книги, который на прямой вопрос: «Миссия выполняема?» дает вполне дипломатичный ответ: «Это мы узнаем потом, если вообще узнаем».

Ольга ЕФИМОВА

НОВОСТИ

НОВАЯ КНИГА ПЕТРА ГУЛДЕДАВА

Новая книга стихов Петра Гулдедава «Дневник надежд и сожалений...», вышедшая в издательстве «Вест-Консалтинг», поступила 30.07.2024 в магазин «Фаланстер».

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

РЕКЛАМА

книги

газеты

журналы

интернет-издания

блоги

литературный портал и магазин современной литературы и периодики

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСКТел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

НОВОСТИ

ЗАНЯТИЯ НА ПЛК И В ЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ

Занятия на ПЛК (Профессиональных литературных курсах) при Союзе писателей XXI века продолжают. Каждую среду члены СП XXI века имеют возможность получить в Москве бесплатные консультации от поэта и кандидата филологических наук **Евгения Степанова**. В настоящее время активнее других посещает ПЛК **Александр Дуда**. В ближайшее время по итогам занятий будет выпущено в издательстве «Вест-Консалтинг» Избранное этого незаурядного поэта, в которое войдут и традиционные, и авангардные стихи.

Также работает Летняя школа при ПЛК в поселке Быково, в культурном центре СП XXI века «Сосновый Пегас».

14 июля 2024 года состоялось индивидуальное занятие для жительницы поселка Быково **Надежды Ковакиной**, которая решила встать на литературную стезю и начала писать сказки. Провел занятие Евгений Степанов.

Следующий урок в Летней школе при ПЛК состоится 31 августа в 13.00. Запись на ПЛК и в Летнюю школу осуществляется по электронной почте: stepanov@mail.ru

На фото Нина Краснова и Надежда Ковакина в «Сосновом Пегасе».

Сергей КИУЛИН,
фото **Наталии НИКИФОРОВОЙ**

УТРАТА

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АКИМИЦУ ТАНАКА

Покинул нас выдающийся японский поэт, фотохудожник, переводчик русской поэзии Акимицу Танака (р. 1948).

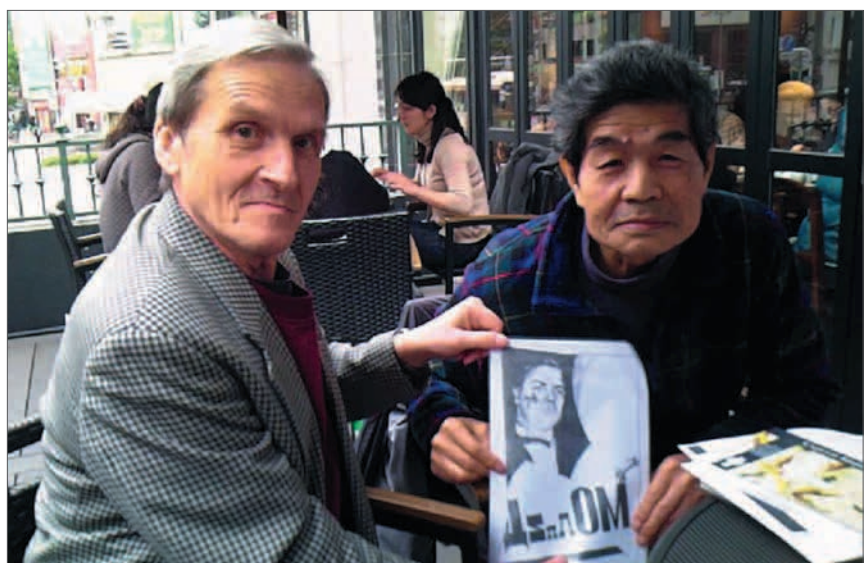
Акимицу-сан обладал невероятным талантом соединять поэтические системы разных стран и соединять поэтов. Так, он был инициатором выступлений Геннадия Айги в Японии. Он первым в Японии опубликовал в составе журнала «Поэзия и философия» антологию современной русской поэзии. Русские поэты ответили ему публикациями переводов его стихов в российских изданиях. Акимицу был особенно интересен русский авангард в различных проявлениях. В его стихах мы встретим Велимира Хлебникова, Павла Филонова, Павла Челищева... И, конечно, он с большим интересом отнесся к проекту Академии Зауми, стал членом АЗ и лауреатом Отметины имени отца русского (и японского!) футуризма Давида Бурлюка. Вспомнилось время совместной работы в начале 90-х, когда я делал своего рода русские аранжировки стихов Акимицу по его подстрочникам из книги «Губы луча». Вот один из таких вариантов:

РУКИ ФИЛОНОВА

Раньше, чем расколоться
неусыпным его вискам,
чем сгореть дневнику

на обугленной столешнице,
пусть трое суток
лезвием
неусыпного блеска
пронизут голодную
хвою,
формулу вырубив
чистого цвета
и губы луча
оставят дыхания след
на поверхности лезвия —
так расплатиться.
Рука Филонова —
касание не-флоры
дыханья дерев,
биенья в виски
крови, вздымающей
копыто
норовистого коня.

Акимицу Танака навсегда останется в японско-российском поэтическом пространстве.

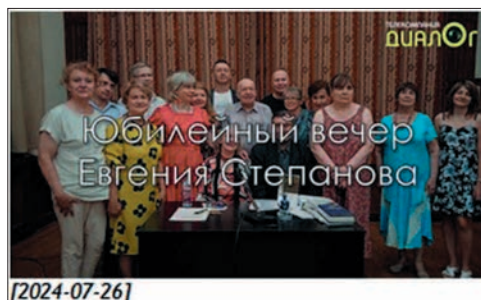

На снимке: Сергей Бирюков вручает Акимицу Танака Международную Отметину имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

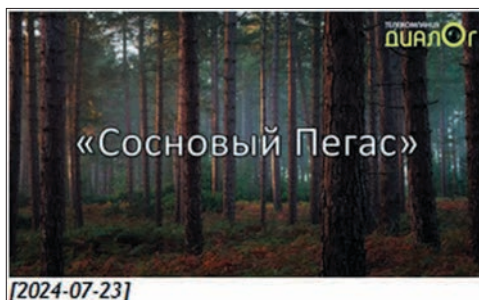
Токио, октябрь 2013 г.
Фото Синъити Мурата

Сергей БИРЮКОВ

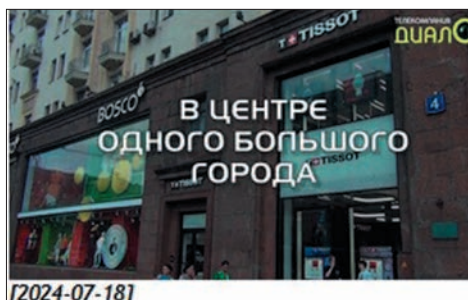
РЕКЛАМА

«Диалог» —
ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

[2024-07-26]

[2024-07-23]

[2024-07-18]

[2024-06-21]

[2024-07-19]

ТЕЛЕКОМПАНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «Диалог»
СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04
адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

[2024-06-03]

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Мужчины предпочитают выражать свою любовь поступками. Они обычно немногословны. Счастлива та женщина, которой ее мужчина посвящает стихи. Хотя бы одно стихотворение для любимой в наше циничное время приравнивается к подвигу. А тут целая книга! Скептики возразят: ничего особенного, просто творческий человек примеряет на свою женщину образ музы, а женщина с радостью соглашается. Тем более, что с развитием Интернета стихотворцы особенно не утруждают себя: переходят на верлибр, стремясь донести до адресата многостраничный поток сознания. Эти произведения кажутся настолько обрывочными по форме, что не вызывают никакого желания знакомиться с их содержанием.

Но мужчины старой закалки, воспитанные на четкой стихотворной форме, не позволяют себе ни малейшей распушенности ни в оформлении текста, ни в его наполнении. Априори уважая своего читателя, они говорят о любви робко, как бы стыдясь, чтобы не дай Бог не солгать, не разрушить это чувство. В книге «Когда сердце пело» известного поэта и прозаика, капитана 1-го ранга Марка Кабакова (1924–2016) представлена лирика, посвященная его возлюбленной — Зое Сафшкиной. Сборник проиллюстрирован фотографией автора и этой обаятельной дамы.

Лирический герой Марка Кабакова обладает редким на сегодняшний день качеством: слова с делом у него не расходятся. Если он признается в чувствах — то серьезно, неся ответственность за сказанное. Если раскаивается в совершенных ошибках — искренне, на коленях, не придумывая себе оправданий:

Упаду в твои ладони
Головой, седой, как мел.
Ты прости, что я не понял,
Ты прости, что не сумел.

Много ли нужно говорить о любви? Все зависит от человека. Для одного и каждый день мало, а другому достаточно одного признания в любви, которое он пронесет через всю жизнь. Иногда в сборнике встречаются весьма чувственные строки, которые, помимо яркости чувства, содержат в себе заверения в его исключительности, в том, что мужчина не бросает слова на ветер. Несмотря на то, что дело происходит на курорте, лирический герой Марка Кабакова настроен решительно и серьезно:

Есть только море,
Только пляж,
Есть обольстительные сети,
Есть женщина, одна на свете,
Которой ты себя отдашь.

Эти строки говорят о зрелости и силе чувства. Любовь — решение, которое мы принимаем ежедневно: с тем ли партнером я встречаю рассвет, мой ли это человек?.. Такая клятва дорогого стоит. Рискованно выносить на люди столь личные переживания, поскольку этот жанр предполагает обязательную ответную реакцию. А если откажет?.. Впрочем, Марк Кабаков не замыкается на своем чувстве. Его пейзажная лирика пропитана умиротворением и ощущением внутреннего покоя:

Вдоль черных кипарисов,
На фоне темных гор
Лавандой и анисом
Наполнился простор.

Марк Кабаков
Когда сердце пело
М.: «Вест-Консалтинг», 2024

Поют в траве цикады,
Зажглась звезда уже...
И ничего не надо
Ни телу, ни душе.

Это внутреннее состояние гармонии, сравнимое с ощущением единства всего живого на планете, редко приходит к поэтам. Женщины часто жалуются, что их «половинки» редко говорят о чувствах: не признаются в любви, не делают комплиментов. Многие (и женщины, и мужчины!), когда разговор заходит о чувствах, делаются уязвимыми, а потому предпочитают отмахиваться. Но только не поэты! Влюбленный поэт горяч, вдохновенен и плодovit:

И каждое слово —
Тебе одной,
Даже точка в конце.
И ненасытный пламень ночной
Горел на твоём лице.

Когда влюбленность перерастает в любовь, исчезают сомнения. Человек перестает колебаться и в том, что он испытывает к избраннице, и в своем решении — быть вместе до тех пор, пока смерть не разлучит:

И неважно: ты стар или молод,
Это все чепуха для любви...
И мерцают в арктический холод
Негасимые звезды твои!

Американские ученые недавно официально установили: свою половинку можно любить до глубокой старости так же страстно, как в медовый месяц. Хочется всплеснуть руками: долго же они собирались задокументировать то, что обычные люди знали испокон веков... А книга Марка Кабакова лишний раз убеждает нас в том, что настоящая любовь не стареет.

Ольга ЕФИМОВА

НОВОСТИ

ОБЪЯВЛЕНЫ ЛАУРЕАТЫ ГАЗЕТЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ» «ПОЭТОГРАД» ЗА 2023 ГОД

Лауреатами газеты «Поэтоград» за 2023 год стали поэты Эльвира Частикова, Борис Борукаев и Валерий Сухов. Информация об этом появилась на официальном сайте газеты (<https://poetograd.ru/laureaty.html>). Поздравляем!

Пресс-служба газеты «Поэтоград»

РЕКЛАМА

РЕКЛАМА В ЕЖЕМЕСЯЧНОЙ ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»

тел.: • 8 (495) 971 79 25

почта • POETOGRAD@MAIL.RU

сайт • <http://www.poetograd.ru/>

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Мираж (от фр. mirage – видимость) – удивительное оптическое явление в атмосфере. На границе между резко различными по плотности и температуре слоями воздуха происходит преломление потоков света. Свет распространяется прямолинейно только в прозрачной однородной среде. Попадая другую среду, он как бы изменяет однажды выбранному пути, сбивается сам и морочит голову человеку. Для наблюдателя это проявляется в том, что вместе с реально видимым отдаленным объектом (или участком неба) также видно его отражение в атмосфере. А иногда на глаза попадает фата-моргана – редкий случай, когда возникают миражи сразу нескольких видов, и удаленные объекты мы видим в нескольких экземплярах. Обратим внимание: мираж не является оптической иллюзией. Это изображение реальной вещи, но до того видоизмененное, что человеку трудно его верно интерпретировать. Например, в пустыне миражи, отражающие небо, часто по ошибке принимают за внезапно открывшиеся взгляду озера... Вот и книга Елены Павловой – о том, что все на самом деле не такое, каким кажется. Поэт заставляет нас иначе видеть реальность. Скажем, линейность времени проявляется в стихотворении «Путник»:

Последний путник шел из декабря...
Метель во след летела хищной птицей,
А он не знал смеяться или злиться?
Не удержать эпоху декабря...
И чувствуя за ветром эту грань,
Он верил, что пересечет границу,
Что в жизни его новое случится...
Он будет первый путник января...

Мне кажется, в преддверии новогодних праздников каждый из нас становится таким: осторожным, немного растерянным перед лицом неведомого будущего. Время отнюдь не является многовариантным: оно одно, и человек бессилен как обратить его вспять, так и переместиться в будущее. Только последовательно или «идти в ногу со временем» или безнадежно отстать от него. Искаженный поэтическим зрением факт – смена лет происходит строго по календарю – погружает читателя в состояние легкого транса: мы видим образ, которого в действительности нет, но который можно тайком примерить на себя. И по-детски ждать чуда, не признаваясь в этом никому. Та же линейность, только вертикальная, уносящая нас в далекое прошлое, наблюдается в философском верлибре «Лень»:

когда лень и хандра
сидят на плечи

Елена Павлова**Мираж**

М.: «Вест-Консалтинг», 2024

я думаю о том
сколько поколений
предков моего рода
старались выжить
убегая от диких зверей
страшных болезней
войн и репрессий
чтобы в будущем родилась я
становится стыдно
даже грустить
и я встаю с дивана
сажусь за стол
и начинаю подбирать
нужные слова и рифмы

Читая эти стихи, мы не задаемся вопросом: «А как все было на самом деле?», потому что именно так, опираясь на историю своего рода, человек и входит в земную жизнь. Является ли это утверждение обманом? Нисколько. Приходится ли автору додумывать, как складывалась жизнь предков? Конечно. Выходит, поэт отражает свой эмоциональный опыт, не противоречащий объективному. Эмоциональная языковая картина мира – отдельная реальность, в которой мир вещественный – всего лишь «топливо»

для авторского воображения. Представляет интерес и внимание поэта к основным процессам функционирования человеческой психики.

В стихотворении «Васильки» (из цикла «Воспоминания») формируется пространство, которого как бы нет: каждый раз, напрягая память, мы воскрешаем не прошлое, а свои представления о нем. И тем не менее, эти образы, пусть неточные, не вполне правдивые, содержат изрядную долю правды, как, например, светлые воспоминания о детстве:

Там облака, как розовая вишня,
Свободы нескончаемый простор,
Тропинкой перевязан косягор,
Все очень просто и намного ближе.
С утра ныряя в зеркало реки,
Ты ничего на свете не боишься.
Вернуться бы туда, где васильки...

Выходит, память – хитрая иллюзия, которая формирует наше мировоззрение?.. И да, и нет. Если поразмыслить, только она и связывает нас сегодняшних со многими нами из каждого прожитого дня, с нашими родителями, с жизнью во всех ее проявлениях. Убери память – и мы окажемся беспомощными младенцами. Мало того, обречены оставаться в этом состоянии до конца жизни.

Можно сказать, что память – стержень нашей сущности. Реальна ли она в материальном мире? Но мы ей обязаны собственным выживанием. Как тут не вспомнить популярную в девяностые песенку: «Миражи – это наша жизнь...»?

Способность увидеть мираж сильно зависит от положения и угла падения света. Даже маленькое изменение положения может привести к исчезновению этого оптического явления. Изменяя угол своего поэтического зрения, Елена Павлова то балует нас сложным акростихом («Непредсказуемо»), то, опираясь на отдельные буквы алфавита, создает текст на стыке поэтического и изобразительного искусств. Глубокая проза (дневник отца), переживание мистического опыта (размышление о человеческой интуиции), сложная комбинаторная поэзия (цикл «Бабочки и мотыльки») – все это делает новую книгу Елены Павловой интересной даже для взыскательного читателя. Автор не боится экспериментов, раскрывается перед нами, щедро одаривает своей духовной энергией. Эта смелость связана не только с широтой авторского взгляда на мир, но и с поиском истины и путей преодоления ограниченности человеческой природы.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

серия
«АВАНГРАНДЫ»

Издательство Евгения Степанова

СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

КНИГА-ИНТЕРВЬЮ

Евгений Степанов и Нина Краснова

— Нина, расскажи, пожалуйста, как ты, провинциалка, пробилась-поступила в Литературный институт? Как училась? Каким педагогом был Евгений Аронович Долматовский, в чьем семинаре ты занималась?

— Когда я училась в девятом классе, я узнала из газет, из «Литературной России» и из «Литературной газеты», что на свете есть Литературный институт, но, чтобы поступить туда, надо не только пройти творческий конкурс и хорошо сдать экзамены, но надо еще и иметь два года рабочего стажа. И я думала-думала, куда мне пойти работать после окончания школы. И пошла работать в газету «Ленинский путь» Рязанского района, которая находилась в поселке Соколовка. Причем меня взяли туда без испытательного срока, после первой же моей командировки в совхоз Варские-Шумашь и после первой же моей статьи, которую я написала по заданию редакции, на вольную тему — о культуре и быте жителей села. И я проработала в газете литсотрудником отдела искусства, культуры, быта, спорта и происшествий целых 3 года. Там и стихи свои публиковала время от времени. И потом, в 1971 году, послала свои стихи в приемную комиссию Литературного института и... прошла творческий конкурс, 100 человек на одно место, и хорошо сдала экзамены, набрав 24 балла при проходном балле 20. Но в списке студентов, который был вывешен на улице, на стене около двери в приемную комиссию, себя не обнаружила. Спросила у ректора **Владимира Фёдоровича Пименова**: «А почему меня нет в списке студентов?» Он ответил: «Машинистка пропустила вашу фамилию, когда печатала список». (А на самом деле, как мне потом сказали компетентные люди, в институт вместо меня взяли кого-то по блату, рассудив так: «Нина

Геннадий Иванов, Нина Краснова, Сергей Каратов, Сабит Мадалиев, Сауда Сафина. 1977. Литературный институт.

Краснова — девочка из провинции. Никуда жаловаться на нас не пойдет»). — «И что же мне теперь делать?» — спросила я. — «Приходите поступать в институт через год». — «Без экзаменов?» — «Нет, с экзаменами». Это для меня был полный крах! Потому что ни о чем я так не мечтала тогда, как о Литературном институте! Редактор «Ленинского пути», **Виктор Михайлович Четвериков**, когда я уезжала в Москву на экзамены, сказал мне: «Нина, если ты не поступишь в институт, возвращайся к нам в газету». Но я не вернулась ни в газету, откуда ушла с концами, ни в Рязань. Я устроилась работать на хлебозавод № 6, пекарем-выборщиком, по лимиту. И раз в месяц посещала народный университет при ЦДЛ, куда мне посоветовал ходить Пименов. Там выступали маститые поэты, **Винокуров, Межиров, Тарковский, Николаев (отец Олеси Николаевой)**... И выступил на одном из вечеров **Владимир Солоухин**, книги которого я очень любила, и стихи, и прозу — «Владимирские проселки», «Капля росы», «Черные доски», и «Мать-мачеха», герой которой Митя Золушкин мечтал поступить и поступил в Литературный институт. И тогда мы с моей сестрой Таней, которая тогда — по сравнению со мной — была уже зрелой рязанской поэтессой, решили показать Солоухину наши стихи.

В издательстве «Вест-Консалтинг» готовится к печати книга **Евгения Степанова** о знаменитой поэтессе, первом секретаре Союза писателей XXI века **Нине Красновой**. В книге будет, в частности, напечатано большое интервью с Ниной Петровной, где она расскажет о своей жизни, о своем творческом пути, о своем роде, своих учителях в литературе. Сегодня мы публикуем фрагмент из этой книги.

Редакция

НИНА КРАСНОВА: «МОИ ЛЮБИМЫЕ СЛОВА: "ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИСЬ"»!..

И позвонили ему домой и сказали, что мы хотим показать ему свои стихи. И он сказал: «Бросьте мне их в почтовый ящик»... И посмотрел их и... рекомендовал нас обоих в Литературный институт. Но сестра не стала там учиться, сказала: «Нам хватит одного института на двоих», — да она и не могла туда поступить, потому что после 9-го класса бросила школу и ушла работать официанткой в ресторан, и у нее не было аттестата об окончании десятилетки. А я поступила, на дневное отделение поэзии, в 1972 году. И на радостях написала стихотворение «Я студентка! Я живу в столице!...»:

Ах, Москва! Она неповторима —
Понимаю это все ясней
И, как сахар быстрорастворимый,
Растворяюсь, растворяюсь в ней.

Я училась в Литературном институте с удовольствием и с пользой для себя и своего развития целых 5 лет! И не мечтала ни о каком другом вузе! Причем я попала в семинар, в группу **Евгения Ароновича Долматовского**, автора знаменитых песен «Моя любимая», «Случайный вальс» («В этом зале пустом мы танцуем вдвоем»), «Эх, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы», «Ой, Днепро, Днепро», «Комсомольцы-добровольцы», «Венок Дуная», «Сормовская лирическая», «А мы случайно повстречались», который очень хорошо относился ко мне и всег-

Наш курс около машины нашего руководителя творческого семинара Евгения Ароновича Долматовского.
Нина Краснова — третья справа.

да защищал меня, если на семинаре кто-то из студентов критиковал меня за мой стиль наив-примитив, который кому-то казался слишком простым, и за мою частушечность, которая передалась мне от моей мамы, частушечницы, и проникла в мои стихи. Долматовский говорил: «Ребята-ы-ы... Вы ничего не понимаете. Этот стиль на самом деле не такой простой. Он требует особого высокого мастерства». Евгений Долматовский был профессор в технике стихосложения, в теории стиха, и я помню все литературные заповеди моего институтского учителя и следую им в своей практике. Мы переписывались с ним, когда я по окончании института вернулась в Рязань. А в 1979 году я выпустила в фирменном издательстве «Советский писатель» и послала Евгению Ароновичу свою первую книгу стихов «Разбег» с таким автографом:

Институтский мой учитель,
Мой учитель — не мучитель,
Как идут мои дела?
Я вот книгу издала.
Вы — профессор, Вы — мудрец,
Я, скажите, молодец?

Он написал мне: «Ты — молодец, Нина! Я в тебя, в твою творческую душу верил с первого курса!» А когда Совещание молодых писателей во главе с Андреем Дементьевым рекомендовало меня с моей книгой в Союз писателей СССР, он радовался за меня и гордился мной, «как нянька старая» у Пушкина, и говорил: «Ай да моя Нинка!». А когда я в 90-х годах переехала из Рязани в Москву, он приглашал меня к себе в семинар: «Приходи. Я тебе бенефис устрою! И, может быть, помогу тебе чем-нибудь». Но вскоре его сбила машина, он

впал в кому и через несколько месяцев умер. А его жена **Мирослава Ивановна** попросила меня написать мемуары о нем для коллективной книги, которую готовилась выпустить. И я написала их, и Мирослава Ивановна похвалила меня, но через какое-то время внезапно умерла, хотя была намного моложе Евгения Ароновича, и книга о Долматовском так и не вышла. Я потом напечатала свои мемуары в журнале **Юрия Кувалдина** «Наша улица». И если бы меня спросили: у кого из всех, кто вел в Литературном институте семинар поэзии, ты хотела бы учиться, если бы снова поступила туда?» — я ответила бы: «У Евгения Долматовского!» Спасибо ему за все!

Геннадий Иванов, Нина Краснова,
Евгений Долматовский, сзади преподаватель
зарубежной литературы С. Д. Артамонов.
1987. Литературный институт.

— Какая атмосфера была в то время в общежитии Литературного института?

— Атмосфера в общежитии Литературного института в то время была творческая. Студенты жили по двое в комнате. Причем студенты были не только русские, но и нерусские, разных национальностей, «дети разных народов», из разных республик Советского Союза — белорусы, украинцы, таджики, дагестанцы, латыши, львовские поляки, также и болгары из Болгарии, чехи и словаки из Чехословакии, африканцы из Эфиопии и Йемена... Все ходили в гости друг к другу, к своим соседям по этажу. Показывали и читали друг другу свои новые сочинения. Пили чай. А кто-то и что-то покрепче. Разговаривали по душам. Готовили на общей кухне еду. Дагестанцы, например, варили в казанах плов, угощали сокашников пловом... Никаких драк и конфликтов между студентами не было.

Я на первом курсе, в первом семестре, жила в комнате с русскоязычной поэтессой из Белоруссии **Светланой Бартоховой** (она сейчас известный в Минске драматург). А потом я вышла замуж за студента со второго курса, русскоязычного поэта из города Каменец-Подольский, с Западной Украины, который был старше меня на 4 года, а мама у него была учительницей украинского языка. И мы жили с ним в «семейном крыле» общежития. Считались образцовой парой. И, глядя на нас, многие студенты тоже начали жениться. Но я после института развелась с ним. Не потому, что он был украинцем, а потому, что он болел «редкой русской болезнью», алкоголизмом, и пять лет был «в завязке» и не пил, но когда ректор по хозяйственной части, не зная о его болезни, захотел сделать его комендантом общежития, а меня коменданткой, он, как «Мороз-воевода с дозором», стал обходить-обхаживать «владенья свои», ходить по комнатам студентов, проверять там порядок, смотреть, что там и как, и ему везде подносили вино, и он записал со страшной силой и слетел с катушек, и я еле проводила его из Москвы к нашим друзьям в Ставрополь, а сама уехала в Рязань и там развелась со своим неблаговерным без его присутствия.

А у моего однокурсника **Сергея Каратова** есть стихи о том, что в общежитие иногда заходили классики литературы нашего времени и разделяли со студентами трапезу, но мне не приходилось почти никого из них видеть

Окончание на стр. 11

КНИГА-ИНТЕРВЬЮ

НИНА КРАСНОВА: «МОИ ЛЮБИМЫЕ СЛОВА: "ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИСЬ"!..

Окончание. Начало на стр. 10

в общежитии, кроме как на каком-нибудь официальном мероприятии клуба, где я здоровалась с ними и все. Говорят, что **Владимир Костров** и **Юрий Кузнецов** бывали в общежитии, с неофициальным визитом, и что Кузнецов однажды выпрыгнул в окно (перепутал окно с дверью?) и едва не разбил, но повис на ветвях дерева и отделался тем, что сломал себе ногу. А про **Николая Рубцова**, который учился в Литературном институте в 60-х годах, рассказывали, что он снимал со стен общежития в коридоре портреты Пушкина, Некрасова, Гоголя, Достоевского, Толстого и унес их к себе в комнату и расставил на полу, с четырех сторон. А дежурная прибежала к нему и стала ругать его: «Ты стащил портреты, верни их назад». — А Рубцов сидит в кругу классиков XIX века и говорит ей: «Не мешайте мне общаться с великими».

— Ты общалась со многими известными поэтами, писателями — Солоухиным, Старшиновым, Астафьевым, Боковым, Жирмунской, Дементьевым, Вознесенским, Евтушенко, Бек... Чему ты у них научилась?

— Судьба сводила меня со многими известными поэтами, писателями на моем «кремнистом пути» литературном, которые становились моими друзьями, наставниками и покровителями и помогали мне идти в большую литературу и реализовывать себя, то есть сыграли каждый свою большую и хорошую роль в моей жизни.

Владимир Солоухин, как я уже сказала, рекомендовал меня с моей сестрой в Литературный институт, потом помог мне издать в фирменном издательстве «Советский писатель» мою первую книгу стихов «Разбег», рекомендовал меня, а позже и мою сестру в Союз писателей... **Николай Старшинов** печатал меня и мою сестру в альманахе «Поэзия» и в антологиях и календарях... **Виктор Астафьев** на пару с **Романом Солнцевым** напечатал меня и мою сестру в антологии провинциальных поэтов «Час России», приглашал меня с группой Союза писателей в Сибирь, на «Провинциальные встречи в русской провинции»... А **Виктор Боков** — на свои авторские вечера в ЦДЛ, ЦДРИ, Дом культуры газеты «Известия», где я, кстати сказать, познакомилась с певцом и композитором **Анатолием Шамардиным**, который написал на мои стихи около 20-ти песен... А с **Тамарой Жирмунской** я познакомилась и выступала во Владимирской области, на Фатьяновском празднике, а потом и в Москве... А **Андрей Дементьев** печатал меня в журнале «Юность» и приглашал меня участвовать в телепередачах «Голубой огонек» и «Станколит» и в вечерах молодых московских поэтов то в Манеже, то в Каминном зале ЦДРИ, и писал обо мне в «Литературном обозрении», как

Кирилл Ковальджи, Александр Смогул, Евгений Бачурин, Нина Краснова, Анатолий Шамардин, ЦДЛ, 2001 г.

о новом литературном явлении, и в своем двухтомнике «Все начинается с любви» и, как я уже сказала, рекомендовал меня от Совецания в Союз писателей СССР, а в 1987 году — в Польшу, на праздник «Варшавская Осень Поэзии», в результате чего я написала биографический роман, в жанре нон-фикшн, «Дунька в Европе»... Кроме того Солоухин и Дементьев, и глава Большого Союза **Георгий Марков**, помогли мне в 1984 году получить в Рязани на одну себя (как тогда для членов Союза писателей СССР по закону полагалось) двухкомнатную квартиру, которую я потом, в 1992 году, обменяла (с потерей площади) на Москву. А **Андрей Вознесенский** приглашал меня выступать на презентациях своих книг то в Доме книги, то в магазине на Кузнецком мосту, то в магазине «Москва», и писал обо мне и в своих книгах, и в журнале «Огонек», и в журнале «Обозреватель», который выходил в 134 странах мира... А **Евгений Евтушенко** сделал обо мне большую передачу по радио и сказал, что я владею «всею палитрой русского языка великолепно»... А, например, пародист **Александр Иванов** из любви к моей поэзии писал пародии на мои стихи и таким образом делал мне блестящую рекламу...

К этому перечню я могла бы добавить еще очень многих... Среди них, между прочим, и **Александр Солженицын**, который на семинаре молодых поэтов в Рязанском Союзе писателей, в 1970 году, похвалил меня за лиричность, искренность и неконъюнктурность моих стихов... Тут и младший друг Солженицына, опальный рязанский поэт **Евгений Маркин**, у которого я до 1971 года, до Литературного института, занималась в литературном объединении «Рязанские родники» и который считал меня очень талантливой, как и мою сестру Татьяну, выделял нас обеих из всех, и который, кстати сказать, в свое время учился в Литературном институте вместе с **Беллой Ахмадулиной** и Евгением Евтушенко и, как и они, и как впоследствии и я, занимался в семинаре у Евгения Долматовского... Тут и поэт **Иван Никонорович Молчанов** (1903–1984), который принадлежал к «комсомольскому поколению» Светлова, Безыменского, Уткина, и написал песню «Прокати нас, Петруша, на тракторе», которая сделала его известным, и которого Маяковский когда-то раскритиковал (но тем самым и увековечил!) за стихотворение «Свидание», где «близкая» девушка (пролетарского происхождения, бедная) стала поэту чужой, а «чужая», в «жакете изысканном» (красивая и богатая) стала ему близкой. Молчанов в 1970 году приезжал выступать в Рязань и написал про нас сестрой Таней такие стихи:

(...)
И Таня и Нина — две поэтессы.
Сестренки. Ведь здорово, черт побери!
(...)
И Таня, и Нина... В кого мне влюбиться?
А ну тебя, сердце! В обеих влюблюсь!

Тут и **Николай Глазков**, который в редакции «Московского комсомольца» за стихотворение «Я студентка! Я живу в столице!» поставил мне 4 с плюсом, а за употре-

Андрей Дементьев, Нина Краснова, Андрей Вознесенский. Театр на Таганке. 2001.

бленное там мною по отношению к самой себе сравнение «сахар быстрорастворимый», 5 с плюсом... Тут и **Лев Ошанин**, рецензент моей дипломной работы, который написал, что я не растворилась в Москве, а осталась сама собой, сохранила свою индивидуальность... Тут и «косопузый москвич» с рязанскими корнями **Сергей Поликарпов**, внутренний рецензент моей первой книги «Разбег» и автор статьи о ней в журнале «Москва», который оценил меня по высшему классу... Тут и **Арсений Тарковский**, который в Доме творчества, в Переделкине, благословил меня с моим «Разбегом» в поэзию, сказал, что у меня грустные стихи, и ему это нравится... Тут и классик латышской поэзии **Имант Зиедонис**, с которым судьба свела нас в Доме творчества в Дубултах и которому так понравилась моя первая книга, что он предложил мне переводить его стихи с латышского на русский... Тут писатель **Юлий Эдлис**, который называл меня «*рязанская Сафо*»... Тут и **Лариса Васильева**, с которой мы вместе ездили на 1-й Ахматовский праздник в Тверскую область, в Бежецк... Тут и **Станислав Лесневский**, который приглашал меня на Блоковские праздники в Шахматове... Тут и **Юрий Кузнецов**, с которым наши литературные дороги пересеклись в Польше, на празднике «Варшавская Осень Поэзии», а потом и в Рязани и Константинове на Есенинском празднике... Тут и **Римма Казакова**, и **Кирилл Ковальджи**, и **Татьяна Кузовлева**, с которыми я выступала и в своей Рязани, и в Москве... Тут и **Александр Тимофеевский**... автор не только «Песенки Крокодила Гены», но и многих книг, и автор веселых экспромтов обо мне: «У нашей Нины — именины. / И мой девиз: «Ни дня без Нины!»... Тут и автор «Энциклопедии Хулиганствующего Ортодокса» **Иосиф Раскин**, который называл меня «из ряда вон выходящим поэтом»... Тут и артист **Валерий Золотухин**, который был не только артистом, но и писателем и членом Союза писателей Москвы и успел выпустить при жизни несколько книг

о себе и о Высоцком и о Таганке, и двадцать томов своих дневников... и который делал предисловия к моей книге стихов «Избранное» и к моему сборнику частушек «Залеточка»... и читал на моих вечерах в ЦДЛ мои стихи из книги «Цветы запоздалые», и пел мои частушки, а стихи о Петре и Февронии, которые я написала по его заказу, читал в 16-ти городах России, где открывались памятники этим двум русским святым... Тут и поэт, искусствовед, Президент Академии русского стиха **Слава Лён**, который писал, что у меня искусство поэзии рождается не только из жизни, но «из самого искусства», «из игры слов», «из их сочетания между собой», «из совокупления слов»... Тут и главный редактор журнала «Время и мы» (Нью-Йорк) **Виктор Перельман**, который писал мне, что если бы я жила на Западе и про меня и про мою поэзию прознали, например, феминистки, то они «на всю Америку провозгласили бы» мое «обалденное творчество... последним словом современной поэзии» и я «стала бы властительницей дум» многомиллионных читателей: «И какие бы, Нина, у вас были тиражи... Но вы живете в России и пишете для России, которую никогда не променяете... на берег турецкий».

Валерий Дударев, Тамара Жирмунская, Нина Краснова, Анатолий Шамардин... Юность. 7.05.2013

В перечень известных поэтов, писателей, с которыми судьба сводила меня на моем литературном пути, нельзя не добавить и **Николая Новикова**, и **Натана Злотникова**, сотрудников отдела поэзии журнала «Юность», теперь, правда, уже безызвестных, которые благоволили ко мне... Тут и зав. отделом русской поэзии «Литературной России» **Аршак Тер-Маркарян**, который воспел меня в своей оде: «*Ниночка Краснова — / Рязанская основа... / Тебя носить бы на руках, как образ киносери... / Ты — словно знамя коммунизма, / Которому я присягал!*» (фамилия-то у меня красного цвета, как знамя. — **Н.К.**)... А из ярчайших представителей моего поколения, с которыми мы вместе шли по большой дороге в большую литературу, нельзя не упомянуть, кроме **Татьяны Бек**, еще и **Юрия Кувалдина**, **Сергея Мнацаканяна**, **Александра Щуплова**, **Александра Шаталова**, **Николая Дмитриева**, и моего рязанского собрата по перу **Евгения Артамонова**, который подарил мне свое стихотворение: «*Есть три звезды! Они в одном ряду! — Ахматова, Цветаева, Краснова!*», а из поколения девяностодесятиков, которых, как говорится, из артели не выкинешь, надо назвать поэта **Германа Гецевича** и поэта **Валерия Дударева**, самого юного редактора «Юности» 2007–2019 годов, о котором у меня есть такой экзерсис: «*О "Юности" я думаю, о ней. / Ты всех ее редакторОв юней!*... Царствие им всем Небесное. Я говорю сейчас только о тех, кто уже покинул земной мир.

И почти со всеми я дружила. И всем посвящала свои стихи, а кто-то и мне. И у многих я брала интервью. И почти со всеми переписывалась, когда жила в Рязани, а потом в Москве, дарила им свои книги, а они мне — свои, которые я читала с карандашом в руках и о которых писала каждому свои отзывы с подробными лексико-стилистическими анализами. И у всех я училась «чему-нибудь и как-нибудь», училась тому, как надо и как не надо писать... и как надо и как не надо жить, и как вести себя в очень непростом литературном мире и не уронить и не потерять себя и сохранить свою душу... и (это я цитирую тебя, Женя Степанов!) *делать только то, «что не делать нельзя».*

Я всю жизнь живу под девизом: «Век живи — век учись!»

Беседу вел Евгений СТЕПАНОВ

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более

1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Мальчик со шпагой».
3. Автор романа «Женский портрет».
5. Автор цикла повестей «Повести Белкина».
6. Автор романа «Герой нашего времени».
9. Автор романа «Автостопом по Галактике».
12. Автор романа «Приключения Тома Сойера».
13. Автор романа «Убить пересмешника».
14. Автор романа «Анна Каренина».

По вертикали:

2. Автор романа «Вратарь республики».
4. Автор романа «Властелин колец».
7. Автор романа «Моби Дик, или Белый кит».
8. Автор романа «Отверженные».
10. Автор романа «Таинственный остров».
11. Автор романа «Два капитана».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 4047. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007